

УДК 8 1 - 13

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-113-122

ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СВЕТЕ ФСК ВЗАИМНОСТИ

Радзиховская В.К.

*Московский государственный педагогический университет
119991, Москва, улица Малая Пироговская, 1/1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представляется феномен функционально-семантической категории (ФСК) взаимности как результат мысле-рече-языковой деятельности. ФСК взаимности сохраняет фундаментальные свойства языка: самоорганизации на основе скоординированности всех моментов движения в процессе предикцирования, саморегулирования всего механизма системы и способности преодолевать кризисы развития в силу альтернативности действующих форм грамматического и лексического представления взаимного значения. В статье показаны особенная значимость языковых форм в поле взаимности, природа языковой заряженности, генерализация значения слова и потребность вторичной номинации.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, взаимное местоимение, предмет взаимных отношений, вторичная номинация.

LINGUISTIC PHENOMENA IN THE LIGHT OF THE FSC RECIPROCITY

V. Radzikhovskaya

*Moscow State University
1/1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russian Federation, 119991*

Abstract. The article presents a phenomenon of functional-semantic category (FSC) reciprocity as a result of thought-speech-language activity. FSC reciprocity retains the fundamental properties of language: self-organization based on the fundamental coordination of all aspects of the movement in the process of predication, self-regulation of the whole mechanism of the system and the ability to overcome the crisis of growth because of the alternative active forms of grammatical and lexical representations of mutual meaning. The article shows the importance of special forms of language in the field of reciprocity, the nature of the language charge, the generalization of the meaning of the word and the need for secondary nomination.

Keywords: functional-semantic category, reciprocal pronoun, the subject of mutual relations, secondary nomination.

Системное исследование языка организуется, как известно, обоснованным выбором объекта наблюдения, выделением фрагмента языковой действительности, сохраняющего свойства целого, достоверный результат обеспечивается, прежде всего, адекватным квантованием языковой материи. Функционально-семантическая категория взаимности (ФСК) в этом отношении представляет

особенный интерес, поскольку язык, по мнению А.Ф. Лосева, как «инструмент разумно-жизненного общения» [7, с. 11] в поле взаимных отношений является отчётливее, чем при рассмотрении его с позиции говорящего, его создающего: из поля взаимности видно целенаправленное движение языковых форм, мотивированная значимость слова, регуляция использования языка. Если *знание* как результат по действию *знать* – ‘принадлежность знающего что-либо... плод учения, опыта’ [5, т. 2, с. 611] – ещё не передано, его нет. Переданное знание уже есть *сознание* – способность взаимодействовать с окружающим миром, понимать другого, *друг друга*, как результат познавательной деятельности: «полная память, смысл и свобода отчётливой воли» [5, т. 4, с. 120] – проявляется во взаимодействии с миром.

Сложный феномен ФСК взаимности как языковой категории, представляющей систему разноуровневых средств, взаимодействующих при выражении взаимного значения, проанализированный А.В. Бондарко [1; 2], М.И. Откупщиковой [11], Н.А. Янко-Триницкой [24] и др., суть связи соответствующей живой внеязыковой ситуации и функционально скоординированного с ней речемыслительного движения на основе языковой материи. Упорядочивание движения речевой стихии в поле взаимных отношений открывает секреты языка и речемыслительной деятельности, выявляя возможности языковой структуры отвечать потребностям речемыслительного движения, обеспечивать пространство речи, удерживающей цельное состояние мыслительной деятельности с помощью языка.

Упорядочивание языковой системы происходит по функциональному признаку, обеспечивающему уровень языковой формы: лексики и грамматики, морфологии и синтаксиса. В пределах функционально-семантической категории между лексическим, морфологическим и синтаксическим значениями взаимности есть «скважины» [6, с. 80], обусловленные квантованностью языковой иерархии, спецификой каждого уровня, поэтому мы говорим, что формы разного уровня той или другой функционально-семантической категории передают не одно и то же значение, а её однородные значения. Эти формы могли бы существовать и независимо друг от друга, а для того чтобы они составили систему – сформировали функционально-семантическую категорию, – необходима межуровневая связь, обеспечивающая квантование: движение языковой системы в пользу развёртывания (поиска словесного наполнения в построении предложения) или свёртывания построения высказывания (нарабатыванием грамматического оформления слова, которое отвечает за пространство функционально-семантической категории). В итоге по закону взаимной адаптации [13, с. 23–41] скачком идёт процесс перехода форм с одного уровня на другой, формируется системное образование ФСК взаимности с грамматическим центром *друг друга*, определяющим возможности языка обслужить взаимное значение [3, с. 180–186], опираясь при этом и на морфологическое основание языка и на лексические вехи, расширяющие область взаимного значения [16, с. 182–206].

В формировании ФСК взаимности сотрудничают лексические и грамматические, морфологические и синтаксические формы. Слово в про-

цессе порождения речи (формирования предложения) должно приспособиться к грамматическому устройству языка. Ценное наблюдение взаимодействия лексики и грамматики в процессе формирования ФСК взаимности касается невозвратных взаимных глаголов: «это, прежде всего, глаголы, связанные по значению с речью, с беседой, с общением между людьми» [24, с. 189-190]. Это наблюдение побуждает нас обратиться к природе обозначаемых явлений как причине отсутствия у глаголов речи и мышления возвратной формы. Глаголы, лексически обозначающие речевой акт, – это глаголы взаимного действия, не нуждающиеся, как правило, в дооформлении по взаимности. Говорить, думать, творить язык можно только вследствие интериоризации высших психических функций, при контроле речепорождения по отношению к внешней стороне ситуации, при взаимодействии с нею, по Л.С. Выготскому, на основе «удвоения опыта», автоматизированного на основе «высоких технологий природы» разговора с самим собой, начинающегося ещё в онтогенезе. (Запись речи 7-месячной Эвелины, дочери И.А. Бодуэна де Куртенэ: *Лежит в коляске и разговаривает сама с собой*) [25, с. 36]. Глаголы мысли и речи – это уже исходно глаголы взаимного действия. Возвратные формы, которые получают эти глаголы (например, *разговориться, сговориться*) вторичны, третичны и так далее, как позволит слово и потребует ситуация: *Н-да... Речи неладные... Не первый раз я слышу их; и всё более они не нравятся мне... Когда-нибудь мы с тобой, Пётр, **разговоримся... навсегда!*** = ‘речами разойдёмся’ [4, с. 28].

Возвратная форма взаимного значения недалеко ушла от своего местоименного прародителя, но местоимение *себя* на русской почве оказывается недостаточно мобильной формой выражения взаимных отношений, требует поддержки контекста, поэтому не может своими силами обеспечить всё поле взаимности в языке. Например, ситуация: *«Батюшки! Где же вы извозились так! Вы только **на себя посмотрите!** – Я посмотрел на Шишкина ... Наверно, и я был не лучше»* [10, с. 6] – реализует частично взаимное значение благодаря контексту. Сходная ситуация с местоимением *siebie* сложилась в польском языке и вызывает шутку: *Wywamy siebie. – Tak, oni siebie, jai siebie*. На русском языке такой языковой «обман» (омонимия форм) в области взаимного значения разыгрывается по предмету взаимных отношений (по объекту): ***Мы с тобой влюблены: ты в картошку – я в блины.*** <http://www.litmir.co>

Предпочтение для выражения взаимного значения русский язык отдаёт взаимному местоимению *друг друга* в конкуренции с местоименным выражением *один другого*, что показано в исследовании Н.А. Янко-Триницкой в сравнении их падежных парадигм [24]. Наблюдение синонимии этих местоимённых выражений: «сочетания *один другого, один другому, один с другим* и т.п. синонимичны сочетаниям *друг друга, друг другу, друг с другом*, на что указывает их употребление в одном и том же значении и функции» [18, с. 179-189], требует уточнения относительно их различия по функциональной значимости. Местоимение *друг друга* обозначает по сравнению с местоименным выражением *один другого*

большую плотность субъектно-объектного взаимодействия. Неравноценность замены выражения *один другого* местоимением *друг друга* выявляет и данный для иллюстрации их синонимии пример: *Раньше они всегда были союзники, а теперь какая-то кошка пробежала между ними, и они поклялись погубить один другого* [8, с. 32]. Здесь *один другого* несёт оттенок разъединения, и было бы странным употребление в этом контексте взаимного местоимения *друг друга*.

Грамматичность местоимённого выражения *один другого* делает его основательным с точки зрения широты применения, мобильным, но не собранным в лексическом отношении. Взаимное местоимение *друг друга* полнокровно семантически, тяготеет к слову и собирает поле взаимных отношений в языке, удерживая национальную специфику языка. Более того, оно представляется самодостаточным для обозначения ситуации взаимных отношений, значения воздействия друг на друга: А. Максимов (телеведущий канала «Культура») в программе о здоровье и продолжительности жизни человека «Наблюдатель», услышав, что есть животные организмы, лишённые механизма старения, стал настойчиво допытывался, от чего именно эти существа умирают, но так как в ответ ему специалисты объясняли только, отчего человек живёт дольше, заканчивая передачу, сказал: *Мы живём среди друг друга: старшие должны знать, что они нужны младшим, а младшие (дети не всегда это знают), что они нужны старшим* (ТВ, 27.07.2015). В речи телеведущего грамматическое выражение *друг друга* лексикализовалось: *Мы живём среди людей* ('воздействуя друг на

друга') - получило усиление взаимного компонента своего значения, особенный смысл.

Аксиология охраняет русский язык от доминанты распространённого в других языках местоимённого выражения *один другого*, если не приобретающего на русской почве пейоративную окраску, то, по крайней мере, теряющего положительный заряд поля взаимности, характерный для русской речи и русского языка в целом. Местоименное выражение *один другого* в части случаев несёт оттенок разъединения, когда не допускается взаимное местоимение *друг друга*. Думается, разъединение участников взаимного действия и ситуация войны заставляет писателя предпочесть выражение *одна к другой* взаимному местоимению *друг друга* - *друг к другу* - в тексте: *Девушки просыпались утром под звуки дальних оружейных выстрелов, ссорились с родителями, - девушки убеждали родителей уезжать немедленно и оставить их одних, а родители говорили, что жизнь их уже прошла, а вот девушкам-комсомолкам надо уходить от греха и беды, - девушки наскоро завтракали и бежали одна к другой за новостями* [22, с. 19]. Точно так, по-видимому, разъединённость субъектов в поле взаимности удержала участника дебатов от использования местоимения *друг друга* при интерпретации военного конфликта на Украине: *Одни обвиняют других, одни - других.* (ТВ, Россия 24, «Специальный корреспондент», 23.01.15) - референция (кто эти *одни*, кто *другие*, в каждом употреблении) распознаётся только по ситуации (знание конфликта и поддерживающих их сторон) и интонации.

Возвратное местоимение *себя* тем не менее остаётся важной точкой отсчёта в поле взаимных отношений (в соответствии с верным наблюдением А. Пушкина: *Мы почитаем всех нулями, а единицами себя*). Это субъективная мера взаимных отношений – зародыш поля взаимности, в котором созревают все признаки поля взаимности: *Кто все дела, все речи мерит / Услужливо на наш аршин? / Кто клеветы про нас не сеет? / Кто нас заботливо лелеет? / Кому порок наш не беда? / Кто не наскучит никогда? / Призрака суетный искатель. / Трудов напрасно не губя, / Любите самого себя / Достопочтимый мой читатель! / Предмет достойный: ничего / Любезней, верно, нет его* [15, с. 99] – так же, как из разговора с самим собой «зарождается» *речь* – действие взаимное.

Лексико-грамматическое взаимодействие в пределах ФСК взаимности происходит в силу её частеречной организации, позволяющей выражать взаимное значение, опираясь не только на глаголы, но и на имена, обозначающие взаимные действия и их характеристики, оформленные именами прилагательными и наречиями, а также на наименования лиц – участников взаимного действия и даже предметов их взаимных отношений, см. статью В.К. Радзиховской [17, с. 367–383].

Поле взаимных отношений определяется не только и не столько участниками взаимных действий, сколько предметом их взаимных отношений как особым объектом, формирующим ситуацию взаимности, – «предметом взаимного интереса». Онтологически для активизации взаимного действия необходим называемый **предмет**, ради которого (из-за которого) и

складывается ситуация взаимных отношений. Языковой код реагирует на этот феномен внеязыковой действительности наличием у глаголов взаимности действия характерного объекта взаимного действия. Поскольку организация языкового поля взаимности создаётся не только глагольным построением, но и использованием именной формы для обозначения объекта взаимных отношений: *В широко известной ресторации, ...столь же часто обсуждался вопрос вооружения Англии, сколь и дела фирмы «Я. Минцель и С. Вокульский»* [14, с. 3], исследование функционирования ФСК взаимности не может ограничиться исследованием природы взаимного залога глагола, – необходимо обследование лексического наполнения субъектно-объектной позиции поля взаимности, как это выполнено в «Синтаксических исследованиях» А.В. Попова [13]. При рассмотрении объекта взаимного действия в первую очередь мы обращаем внимание на такие слова, которые уже в словаре определены принадлежащими полю взаимных действий, например, к купле-продаже относятся слова: *стоимость*, выражаемая в деньгах, *деньги* – ‘инструмент обмена’, *товар* – ‘общее наименование предмета обмена’. Общность семантического поля, в котором выступают наименования такого объекта «взаимного интереса», поддерживает или опровергает рекламный плакат, вывешенный на улицах Москвы в 2006 году: *Не деньги создают банк, а взаимные отношения*.

Слова, обозначающие предмет взаимного интереса, являются как при переходных, так и непереходных глаголах, неся сами по себе и отражённо в той или иной мере значение взаим-

ности, и участвуют в формировании ФСК взаимности и создании текстового поля взаимности. Принадлежность их категории взаимности доказывается системной организацией в речи и языке, целенаправленно формирующей ареал объектной лексики, в котором динамическая неоднородность лексической семантики ориентируется на наилучшее обеспечение ею познавательно-ориентирующей функции, на участие в формировании *терминосистемы* [12, с. 65–74] наименований предметов действия в различных сферах деятельности людей, влияющей на её эффективность. Можно выделить три группы наименований предметов, причастных формированию языкового поля взаимности:

а) наименования предметов (объект) *имуущественного владения*; его разновидностью является предмет купли-продажи: наиболее общими выразителями значения такого объекта являются слова *товар, деньги*;

б) наименования предметов *игры* (игровая фигура) как объекта взаимодействия игроков: названия игровых фигур (*карты, фишки*) любых игр, предназначенных для двоих и более игроков;

в) наименования нематериальных реалий: *слово* как носитель информации, как феномен культуры; *язык* как инструмент общения, мысле-рече-языкового действия – взаимного действия высшего порядка; *значение, мнение* – организует мысле-рече-языковое действие как социальное явление. Отсутствие такого объекта взаимного интереса приводит к рассогласованию взаимного действия, утрате личностной характеристики. Это замечательно подметил А.П. Чехов, создав образ

Душечки: *Она видела кругом себя предметы и понимала всё, что происходило кругом, но ни о чём не могла составить мнения и не знала, о чём ей говорить. А как это ужасно, не иметь никакого мнения!* Видишь, например, как стоит бутылка, или идёт дождь, или едет мужик на телеге, но для чего эта бутылка, или дождь, или мужик, какой в них смысл, сказать не можешь, и даже за тысячу рублей ничего не сказал бы [23, с. 139–140] – писатель как доктор обнажил психологическую сторону мысле-рече-языковой деятельности. Но ещё раньше идеальный предмет поля взаимности в гармоническом сочетании субъективного/объективного в социуме определил А.С. Пушкин: *И вот общественное мнение! Пружина чести, наш кумир! И вот на чём вертится мир!* [15, с. 146]

Наименования предметов взаимных отношений, способствующих комфортности общения, как явления языка доказываются их структурообразующей функцией в ФСК взаимности. Толковый словарь фиксирует их принадлежность ФСК взаимности в основном значении и отмечает потребность вторичной номинации одних и тех же предметов по условиям ситуации общения, создания комфортной обстановки поля взаимных отношений. Такую прагмалингвистическую дифференциацию отмечает словарь А. Nagorko, M. Lazinski, H. Burkhardt [26, с. XXXI]: *emfaza – określenie zawierające dodatni ładunek uczuciowy; mywiącemu zależy na wprawieniu słuchacza w dobry nastrój. Często przy pozornych zdrobnieniach, jak kawka, herbatka, jajeczko itp., powszechnych w języku kelnerów i sprzedających*.

Предметы, организующие ситуацию взаимных отношений, точнее

сама ситуация взаимных отношений, общения требует для них вторичной номинации, а может быть, иной, меняющейся номинации объекта поля взаимности, поэтому и речь, и языковой код формирует словарь с учётом потребности формирования речевого поля взаимных отношений, организуя таким образом периферию ФСК взаимности. Так что прагматические квалификаторы (*уменьшительно-ласкательные, уничижительно-уменьшительные* – например, *деньжонки, увеличительно-пренебрежительные*), а также *разговорные, ласкательные и фамильярные*, в случае отнесения их к наименованиям предмета взаимных действий (отношений), попадают в прагматику поля взаимности. Тяготение к полю взаимности проявляют все группы выделенных нами наименований предметов: а) в ситуации застолья (*чайк, сахарок, маслице*): *Дам хлебушка / По полупуду в день, / Дам водки по ведёрочку, / Поутру дам огурчиков, / А в полдень квасу кислого, / А вечером чайку!* [9, с. 281]; б) в ситуации игры (получают варианты наименования игровые фигуры и сами игры: *скинуться в картишки*): *А отцу Алексею очень хотелось с тобой познакомиться. Он тебе понравится, ты увидишь. Он и в карточки не прочь поиграть, и даже... но это между нами... трубочку курит* [21, с. XXI]; в) в процессе реализации мысле-рече-языковой деятельности: *Сказанное словцо – серебряное, несказанное – золотое* [5, с. 611].

Вторичная номинация реализуется не только в словообразовательных формах, поле взаимных отношений нуждается в «удобных» словах: **Взятки!** *Что за слово – взятки? Сами же его выдумали, чтобы обижать хороших людей. Не взятки, а благодарность! А от благодарности отказаться грех, обидеть человека надо* [12, с. 51]. Номинация поля взаимности поддерживается интонацией: *То же бы ты слово, да не так бы ты молвил* [5, с. 120].

Разнообразие номинации одного и того же предмета вызывается сложной характеристикой объекта взаимных отношений, проявляющейся в поле взаимности: *«Смир-рр-на!» – закричал полковой командир потрясающим душой голосом, радостным для себя, строгим в отношении полку и приветливым в отношении к подъезжающему начальнику* [20, с. 139]. В поле взаимности слово получает некоторую определённую, направленность – генерируется, обретает, по А.Ф. Лосеву, **заряженность** [7, с. 15], особенную значимость, которая открыта наблюдению в онтогенезе: – *Мужчины – нехорошее слово*, – сказала как-то моя трёхлетняя дочь. – А какое же хорошее? – спрашиваю. – *Невеста!* (запись 1986 года).

В разной значимости слова в речевом поле взаимности кроется механизм формирования оценочного основания языка и его национальная специфика.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л.: Наука, 1971. 114 с.
2. Бондарко А.В. Системные и коммуникативные аспекты анализа грамматических единств // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб: Наука, 2000. С. 9-35.

3. Венда В.Ф. Системы гибридного интеллекта. М.: Машиностроение, 1990. 446 с.
4. Горький М. Мещане. Полное собрание сочинений в 25 томах. Т. 7. М.: Госиздат, Художественная литература, 1968.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. / Совмещённая редакция В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Олма-Пресс, 2001. Т. 1.; Т. 4.
6. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 152 с.
7. Лосев А.Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М.: Наука, 1989. С. 5-92.
8. Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. М.: Эксмо, 2006.
9. Некрасов Н.А. Стихи и поэмы. М.: Правда, 1984.
10. Носов Н.Н. Витя Малеев в школе и дома [Электронный ресурс] // Литмир [сайт]. URL: <https://www.litmir.co/br/?b=20952> (дата обращения 15.12.2016)
11. Откупщикова М.И. Статус взаимного залога // Проблемы теории грамматического залога: сборник статей / Академия наук СССР, Ин-т языкознания. Отв. ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978, С. 180-186.
12. Островский А.Н. Пьесы. Казань: Таткнигиздат, 1955.
13. Попов А.В. Синтагматические исследования. Воронеж, 1981. 307 с.
14. Прус Б. Кукла. М.: Вече, 1993.
15. Пушкин А.С. Евгений Онегин. М.: Госиздат. Художественная литература, 1936.
16. Радзиховская В.К. Альтернативность путей развития функционально-семантической категории взаимности, формирования речевого поля взаимности и мыслительного движения в поле взаимных отношений // Проблемы исторического познания: сб. статей. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2014. С. 182-206.
17. Радзиховская В.К. К обоснованию объекта исследования функционально-семантической категории взаимности // Преподаватель XXI век. 2016. № 1, часть 2. С. 367-383.
18. Рословец Я.И. Значение и синтаксические функции сочетаний друг друга, друг с другом и т.п. // Современный русский язык: Уч. записки МГПИ им. В.И. Ленина, 1964. С. 179-189.
19. Сергеевнина В.М. Принципы системного анализа терминов // Межвузовский сборник: Термин и слово. Выпуск 1 (7). Горький, 1978. С. 65-74.
20. Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1. М.: Госиздат. Художественная литература, 1949.
21. Тургенев И.С. Отцы и дети [Электронный ресурс] // iLibrary [сайт]. URL: <http://www.ilibrary.ru/text/96/p.21/index.html> (дата обращения 15.12.2016)
22. Фадеев А.А. Молодая гвардия. М.: Госиздат. Художественная литература, 1954.
23. Чехов А.П. Избранные произведения в 3 томах. М.: Госиздат. Художественная литература, 1962. Т. 2.
24. Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в русском языке. М.: Наука, 1968. 247 с.
25. Jan Baudouin de Courtenay. Spostrzezenia nad jezykiem dziecka, Wroclaw - Warszawa - Krakow - Gdansk, PAN, Printin Poland. 1974. 215 p.
26. A. Nagorko, M. Lazinski, H. Burkhardt. Dystynktywny slownik synonimyw. Krakow, 2004. 192 p.

REFERENCES:

1. Bondarko A.V. Grammaticheskaya kategoriya i kontekst [Grammatical category and context]. L., Nauka, 1971. 114 p.
2. Bondarko A.V. Sistemnye i kommunikativnye aspekty analiza grammaticheskikh edinstv [Systemic and communicative aspects of grammatical analysis.] // Problemy funktsional'noi

- grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii [Problems of functional grammar. Categories of morphology and syntax in the utterance]. SPb., Nauka, 2000. pp. 9–35.
3. Venda V.F. Sistemy gibridnogo intellekta [System hybrid intelligence]. M., Mashinostroenie, 1990. 446 p.
 4. Gor'kii M. Meshchane. Polnoe sobranie sochinenii v 25 tomakh. T. 7 [Tradesmen. Complete works in 25 volumes. Vol. 7]. M., Gosizdat, Khudozhestvennaya literatura, 1968.
 5. Dal' V.I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka / Sovmeshchennaya redaktsiya V.I. Dal'ya i I.A. Boduena de Kurtene. [Dictionary of the Russian language / Combined edition of V.I. Dahl and I.A. Baudouin de Courtenay]. M., 2001. Vol. 1; Vol. 4.
 6. Zhinkin N.I. Rech' kak provodnik informatsii [Speech as a conduit of information]. M., Nauka, 1982. 152 p.
 7. Losev A.F. V poiskakh postroeniya obshchego yazykoznaniiya kak dialekticheskoi sistemy [In search of building General linguistics as a dialectical system] // Teoriya i metodologiya yazykoznaniiya: Metody issledovaniya yazyka [Theory and methodology of linguistics: language research methods]. M., Nauka, 1989. pp. 5–92.
 8. Mamin-Sibiryak D.N. Privalovskie milliony [Privalovsk millions]. M., Eksmo, 2006.
 9. Nekrasov N.A. Stikhi i poemy [Poems]. M., Pravda, 1984.
 10. Nosov N.N. Vitya Maleev v shkole i doma [Elektronnyi resurs] [Victor Maleev at school and at home [Electronic resource]] Litmir [sait]. [Litmir [website]]. - URL: <https://www.litmir.co/br/?b=20952> (request date 15.12.2016)
 11. Otkupshchikova M.I. Status vzaimnogo zaloga [Status of mutual pledge] // Problemy teorii grammaticheskogo zaloga: sbornik statei [Problems of the theory of grammatical bail: collection of articles] / Academy of Sciences of the USSR, In-t linguistics. Resp. edited by V.S. Khrakovskiy. M., Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1978. pp. 180–186.
 12. Ostrovskii A.N. P'esy [Plays]. Kazan, Tatknigizdat, 1955.
 13. Popov A.V. Sintagmaticheskie issledovaniya [Syntagmatic studies]. Voronezh, 1981. 307 p.
 14. Prus B. Kukla [Doll]. M., Veche, 1993.
 15. Pushkin A.S. Evgenii Onegin [Eugene Onegin]. M., Gosizdat, Khudozhestvennaya literatura, 1936.
 16. Radzikhovskaya V.K. Al'ternativnost' putei razvitiya funktsional'no-semanticheskoi kategorii vzaimnosti, formirovaniya rechevogo polya vzaimnosti i myslitel'nogo dvizheniya v pole vzaimnykh otnoshenii [Alternative paths of development funktsionalanalytische category of reciprocity, the formation of speech the field of reciprocity and mental movement in the field of mutual relations] // Problemy istoricheskogo poznaniya: sb. statei. [Problems of historical knowledge: collection of articles]. M., Institut vseobshchei istorii RAN, 2014. pp. 182–206.
 17. Radzikhovskaya V.K. K obosnovaniyu ob'ekta issledovaniya funktsional'no-semanticheskoi kategorii vzaimnosti [To the justification of the object of study of functional-semantic category of reciprocity] // Prepodavatel' XXI vek [Tutor of the XXIst century]. 2016. no. 1, part 2. pp. 367–383.
 18. Roslovet's YA.I. Znachenie i sintaksicheskie funktsii sochetanii drug druga, drug s drugim i t. p. [The meaning and syntactic function of the combinations of each other, each other, etc.] // Sovremenniy russkiy yazyk: Uch. zapiski MGPI im. V.I. Lenina [Modern Russian language: Textbook. Zapiski MGPI n.a. V.I. Lenin]. 1964. pp. 179–189.
 19. Sergevnina V.M. Printsipy sistemnogo analiza terminov [The principles of system analysis terms] // Mezhevuz. sb.: Termin i slovo. Vypusk 1 (7) [Interuniver. Coll.: the term and the word. Issue 1 (7)]. Gorky, 1978. pp. 65–74.

20. Tolstoy L.N. Voina i mir. T. 1 [War and world. Vol. 1]. M., Gosizdat. Khudozhestvennaya literatura, 1949.
21. Turgenev I.S. Ottsy i deti [Elektronnyi resurs] [Fathers and sons [Electronic resource]] // iLibrary [sait] [iLibrary [website]]. URL: <http://www.ilibrary.ru/text/96/p.21/index.html> (request date 15.12.2016).
22. Fadeev A.A. Molodaya gvardiya [The young guard]. M., Gosizdat, Khudozhestvennaya literatura, 1954.
23. Chekhov A.P. Izbrannye proizvedeniya v 3 tomakh. T. 2 [Selected works in 3 volumes. Vol. 2]. M., Gosizdat. Khudozhestvennaya literatura, 1962.
24. Yanko-Trinititskaya N.A. Vozvratnye glagoly v russkom yazyke [Reflexive verbs in the Russian language]. M., Nauka, 1968. 247 p.
25. Jan Baudouin de Courtenay. Spostrzezenia nad jezykiem dziecka, Wroclaw - Warszawa - Krakow - Gdansk, PAN, Printin Poland. 1974. 215 p.
26. A. Nagorko, M. Lazinski, H. Burkhardt. Dystynktywny slownik synonimyw. Krakow, 2004. 192 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Радзиховская Вера Казимировна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры современного русского языка Московского педагогического государственного университета;
e-mail: lkryuchkova@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vera Radzikhovskaya – candidate of Philological Sciences, associate professor at Department of Modern Russian Language in Moscow State Pedagogical University;
e-mail: lkryuchkova@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Радзиховская В.К. Языковые явления в свете ФСК взаимности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 113-122.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-113-122

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V. Radzikhovskaya. Linguistic phenomena in the light of the FSC reciprocity // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 113-122.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-113-122